

ФРАНЧЕСКО ПИККОЛО

Из книги “Минуты будничного несчастья”

Перевод и вступление ЕВГЕНИЯ СОЛОНОВИЧА

Книгу, с фрагментами которой знакомит эта публикация, можно назвать частью двухстворчатого складня, состоящего из двух книг-близнецов. Первая — “Минуты будничного счастья” — знакома читателям журнала, представившего ее восемь лет назад в рубрике “Из будущей книги”.

Так же как и первая, вторая книга являет собой коллаж из воспоминаний, впечатлений, мыслей, поступков, разговоров — мозаику, сочетающую разновеликие детали.

Не знающих о существовании первой из двух книг-близнецов удивит при знакомстве с “Минутами будничного несчастья” слово “несчастье” в заглавии. “Ну разве может человек считать несчастьем желание родных и друзей поздравить его с днем ангела? — спросит удивляющийся. — Ну какое же это несчастье — самому втянуть шнурки в новые туфли?”

По сравнению с “Минутами будничного счастья” автор одной из рецензий назвал “Минуты будничного несчастья” “обратной стороной медали”, и в этом с ним трудно не согласиться, притом что некоторые из новых “минут” могли бы с успехом пополнить минутную копилку “близнеца”, появившегося на свет первым.

“Феерией римских будней в исполнении человека, который лукавит, шутит, священнодействует, становится в позу, берет обратно свои слова...” назвал “Минуты будничного счастья” автор рецензии в газете “Унита”. Убедиться в том, что характеристика десятилетней давности распространяется и на “Минуты будничного несчастья”, и предлагает эта публикация.

Девушка, которая открыв калитку, остановилась, подождала меня и, пропуская, сказала: пожалуйста.

Если я должен представить себе минуту, когда моя жизнь покатилась под откос, то вот она, эта минута.

Когда мне говорят: ты мог бы одеться лучше. А я и так оделся лучше.

Минута, когда певец в конце концерта начинает одного за другим представлять музыкантов, и ты знаешь, что каждый из них собирается играть соло.

Когда оказываешься перед дверью с табличкой “Staff only” (“Только для персонала”), означающей, что простым смертным вход воспрещен.

Когда сдачу тебе дают монетами в пять сантимов, в два сантима, в один сантим...

Я хороший отец: я провожаю детей в школу, перекидываюсь несколькими словами с мамами других ребят, говорю им, что у них красивые и милые дети. В один прекрасный день среди мам я отличаю одну: она хороша собой, она веселая и, надо сказать, соблазнительная. После этого мало-помалу я отдаляюсь от роли общительного родителя, интересующегося проблемами школы, чтобы сосредоточить внимание на этой маме, которая начинает нравиться мне, и я догадываюсь — чем черт не шутит? — что тоже ей нравлюсь. Я начинаю говорить тише и подхожу к ней ближе, иначе она не слышит, что я ей говорю, ведь я нарочно понизил голос. Я острою, стараюсь рассмешить ее, и она смеется, запрокинув голову. Несколько следующих дней я перед зеркалом проверяю утром, в форме ли я (то есть виден ли у меня живот), и, попрощавшись у школы с детьми, замечаю, что она стала одеваться наряднее и больше, чем раньше, пользуется макияжем. Я приглашаю ее выпить кофе, дальше мы начинаем обмениваться эсэмэсками — одна, другая, откровенничаем, смеем. Потом, на некотором расстоянии от школы — впрочем, не таком уж и большом, — я ее целую. И то, что наши дети учатся в одной школе, не мешает нам сделаться любовниками.

Мы трахаемся по утрам. Проводим детей в школу — и удираем. Потрахались — и, как это обычно бывает с подобными парочками, болтаем голые в постели, хотя времени у нас немного: наступает минута, когда мы спохватываемся, что обоим ждет работа. С первого же раза мне становится понятно (нам становится понятно), что мы совсем не знаем друг друга, и единственная общая тема для разговора — школа: класс, учителя, оценки, домашние задания, школьные товарищи на-

ших детей. И хотя поначалу мы избегаем этой темы, совсем обойтись без нее нам не удастся.

Не самое возбуждающее на свете занятие — трахаться с утра пораньше и потом болтать об учителях вообще или об учительнице математики в частности, если к тому же через несколько секунд после криков “Да! Да! Да!” любовница спрашивает, должны ли мы брать репетиторов по английскому или в какой бассейн я вожу сына.

Однажды утром она говорит мне, что не помнит, дал ли я деньги на подарок Элизабетте — девочке, у которой в следующую субботу день рождения, и я признаюсь, что хотел дать, но забыл. Я знаю, что не должен делать того, что собираюсь сделать, но пользуюсь представившейся возможностью, тем более, что не знаю, удастся ли нам увидеться до субботы. И я поднимаюсь с постели, где мы лежим голые, и, голый, иду к своим брюкам, достаю из бумажника десять евро и даю ей. Она берет деньги, но не знает, куда их деть, потому что она тоже голая, и пока держит их в руке, а потом, когда наконец поднимается, кладет их в сумку и, по-прежнему совершенно голая, вычеркивает имя моего сына из списка тех, кто должен внести деньги на подарок.

На этом темы разговоров были исчерпаны. Больше мы не виделись.

Когда уборщица звонит, чтобы сказать, что сегодня она не может прийти.

Когда в голову приходит идея, которая кажется мне прекрасной, настолько прекрасной, что забыть ее, я уверен, невозможно. Вскоре, однако, все попытки вспомнить ее, остаются втуне. Помню только, что это была прекрасная идея, но к чему она относилась, хоть убей, не знаю.

Когда девочка в школьном дворе, по-моему, понятия не имеющая о сложности жизни, спросила мою дочку, показывая на меня: “Это твой дедушка?”.

И даже не столько это, сколько безудержно-веселая реакция моей дочери.

Нравящаяся тебе женщина хочет привести пример мужчины, которому она бы дала. Задумалась и начинает: “Типа...”

И ты ждешь, что она скажет “Такой, как ты”.

Но она этого не говорит. Никогда.

Я возвращаюсь из Милана. Девять часов вечера, а быть может, чуть больше, потому что поезд опаздывает. Он сбавил ско-

рость задолго до прибытия на очередную станцию, и этому я всегда рад. Я жду минуты, когда, будь то днем или ночью, поезд начнет медленно проезжать через какой-нибудь населенный пункт, и это позволит мне заглянуть в окна и мельком увидеть людей, занимающихся своими делами, сидящих за ужином, увидеть включенный телевизор, человека, который одевается, который спешит к телефону. Который плачет или, если мне повезет, смеется. Я могу увидеть целые города, которые живут так же, как живу я, но без меня, не зная о моем существовании, не подозревая, что в эту минуту перед моими глазами пробегают чужие жизни, и я не только оцениваю их, но и воссоздаю. Оставаясь невидимым, я убеждаюсь, что мир не стоит на месте. Убеждаюсь вместе с другими пассажирами поезда в ту минуту, когда путешествие для меня по-настоящему только начинается.

Две фразы, преследующие меня всю жизнь:

“Если я скажу тебе, из чего делают моццареллу, ты больше в рот ее не возьмешь”.

“Труднее всего приготовить спагетти аль помодоро”.

День, когда я начал изучать “Химический состав” на этикетках минеральной воды.

Когда кто-то говорит тебе, что ты должен знать, как он тебя любит, почти всегда он собирается сказать тебе что-то неприятное.

Женщины, только что вышедшие их парикмахерской.

То, что не знаешь, закрыв холодильник, действительно ли погас в нем свет.

Когда люди, услышав твои шаги, держат для тебя открытой дверь подъезда, пока ты спускаешься по лестнице. Они ждут тебя из любезности. И ты должен бежать, хотя до этого спускался не торопясь. Люди оказывают тебе любезность, и ты бежишь, чтобы не заставлять их ждать.

Одним словом, все люди, которые из любезности заставляют тебя быть любезнее, чем они.

Когда я заметил, что собака моих друзей Паоло и Даниэлы встречает лаем только меня.

Нищий просит у меня несколько монет на еду. Я отдаю ему всю мелочь, которую нахожу в кармане. Вижу, что он

просит деньги и у других и что не все откликаются на его просьбу.

Минут пятнадцать спустя я прохожу по той же улице, и он снова просит у меня несколько монет.

[254]

ИЛ 12/2018

И мне обидно, что он меня не запомнил. Не запомнил, что в отличие от других прохожих я недавно дал ему те самые несколько монет, которые он просил. А мог бы и запомнить, ведь прошло всего-навсего пятнадцать минут!

Жаль, что у нищих короткая память и что они тут же забывают того, кто дал им денег, чтобы они могли купить себе еду.

Тот раз, когда она сказала мне: “Я могу представить себе жизнь без тебя, а ты не можешь себе представить жизнь без меня”.

Названия этой книги я не помню, но она преследует меня с детства. Все ее читали, и все порывались мне ее пересказать. Я отказывался слушать из страха: меня пугала история о людях, оказавшихся то ли во льдах, то ли в пустыне, то ли в горах, — точно не помню, — после того, кажется, как их самолет упал и им удалось спастись. Короче говоря, чтобы выжить, они начали по очереди есть друг друга.

Всякий раз, когда в книжном магазине мне попадается на глаза книга, на обложке которой я читаю: “Подлинная история”, всякий раз, когда на обложке книги изображены горы или снежные поля, всякий раз, когда в заглавии книги я вижу такие слова, как “плоскогорье”, “болото”, “льдина”, “замерзшее озеро”, или что-то в этом роде, я всегда думаю: это, наверно, та самая книга, в которой все однажды съели друг друга.

Когда открываешь коробку с новыми туфлями, и шнурки в ней лежат отдельно.

Вдеть их предстоит тебе.

Это все равно что дарить детям электрические игрушки без батареек. Ты смотришь на ликующего ребенка, крутишь игрушку в руках и говоришь: “Надо будет купить батарейки”.

Когда я звоню жене, она делает то, чего не делает, насколько мне известно, ни один человек в мире: отвечая, она не говорит “Алло”, как сказал бы любой другой на ее месте, “Слушаю” или, поскольку знает, что это звоню я, “Я тебя слушаю”.

Ничего подобного.

Она сразу начинает говорить сама. Говорит, где она, или чем она занимается, или когда вернется домой, или как про-

шла встреча с человеком, с которым она собиралась встретиться, или пересказывает то, что ей рассказали.

Как только мне удастся ее перебить, я спрашиваю:

— Кто кому звонит? Ты мне или я тебе?

— Ты мне, — отвечает она.

— Но если позвонил я, разве не я должен говорить? Ты должна сказать: “Алло”, и я говорю тебе, что это я, и ты говоришь: “Я тебя слушаю”, или спрашиваешь: “В чем дело?”, или “Что ты мне хочешь сказать?”, или, например, “У тебя все в порядке?”.

Если звоню я, значит, мне есть что тебе сказать, а не наоборот. Если же ты хочешь что-то сказать мне, тогда звонишь ты.

Собрания жильцов в самых высоких небоскребах на свете. О возможности таких собраний, я уверен, при проектировании этих архитектурных колоссов никто не думал.

Некоторые виды спорта, претендующие на включение в программу олимпийских игр.

И особенно газетные статьи на эту тему.

Всякий раз, когда мне скажут: “Минуты будничного счастья” были лучше.

Я делаю подарок. Говорю:

— Если тебе не нравится, можешь поменять.

— Что ты! — отвечает одариваемый. — Это мой любимый цвет. Ты угадал.

И на следующий день бежит в магазин менять подарок.

Идет дождь. Когда у тебя в кои-то веки есть не сломанный зонт и ты не забыл его дома либо где-нибудь еще, рядом с тобой обязательно оказывается человек, у которого сломался зонт или который забыл его дома либо где-нибудь еще. И ты должен выручить этого человека. Весь путь вы будете меняться местами — так, дескать удобнее — и по очереди говорить: “Может, лучше нести его мне?”, и, когда зонт у тебя, ты любезно стараешься держать его так, чтобы он закрывал другого лучше, чем тебя. Но другой продолжает требовать: “Держи немного выше”, “Опусти”, “Держи ближе ко мне, а то я промокну”. В конце концов он скажет: “Может, лучше нести его мне?”. И ты передашь зонт ему, и наступит твоя очередь говорить: “Держи выше”, “Опусти”, “Держи ближе ко мне...”

4 октября, в День св. Франциска (Сан Франческо), я отключаю мобильник, но это не помогает. Родственники и друзья из

Казерты звонят мне на домашний или набирают номера тех, кто может быть рядом со мной. Они ищут меня, как искала бы полиция, если бы я совершил преступление. Ищут, потому что для них очень важно поздравить меня с днем ангела.

Никто другой в мире ни разу в жизни после моего отъезда из Казерты не поздравил меня с днем ангела ни в Риме, ни где бы то ни было. Только они.

А ведь им известно, что я чихать хотел на именины, я говорю им это каждый год, когда они в очередной раз поздравляют меня. Более того, я говорю, что поздравления действуют мне на нервы, что это издевательство — приставать с поздравлениями к человеку, который не хочет, чтобы его поздравляли, но они верны себе. Я тысячу раз повторял, что не понимаю их страсти к поздравлениям, что не признаю именин и не хочу, чтобы меня с ними поздравляли. Единственное, чего я добился, — это, что теперь они, звоня мне в этот день, говорят: “Я знаю, что тебе это не нравится, но не могу не поздравить тебя с днем ангела” либо: “Я знаю, что тебя это раздражает, но все равно поздравляю. Нравится тебе это или нет, не имеет значения”.

Если мне удастся продержаться до вечера с минимумом звонков из родного города, я вздыхаю с облегчением. Так нет же — звонят и на следующий день, чтобы сказать: мы, мол, знаем, что вчера у тебя был выключен телефон, потому что тебя раздражают поздравления с днем ангела, но все равно хотим тебя поздравить. Лучше поздно, чем никогда.

Заказывая в ресторане бифштекс, я всегда прошу с кровью и уточняю: “Почти сырой”. Кто-то другой за столом тоже заказывает бифштекс, но наполовину, а то и полностью прожаренный.

Часто наполовину или полностью прожаренный принесут раньше, чем мой, намного раньше.

И я каждый раз ломаю голову, пытаюсь понять, почему это происходит. И не понимаю.

Ты принимаешь душ в гостинице, он действует на тебя успокаивающе, у тебя прекрасное настроение. Но неожиданно ты узнаешь, что в твоих руках судьба планеты, что от тебя зависит ее спасение. Ты видишь табличку, умоляющую тебя потерпеть еще один день и не ждать, чтобы в твоем номере поменяли полотенца, которыми ты пользовался. Если ты готов на это, у тебя есть шанс спасти планету.

Разумеется, ты согласен оставить полотенца еще на один день. Но тебя смущает то, насколько просто спасти ее, планету.

Каждое утро, проводив сына в школу, я сажусь за работу. Включаю компьютер и часами пишу. Пишу и чувствую себя одиноким, все более одиноким в надежде, что раздастся телефонный звонок, что кто-нибудь мне позвонит — все равно кто. Жду, чтобы меня отвлекли, и тем временем продолжаю писать.

Если же никто не звонит, звоню кому-нибудь сам.

На этой неделе я подписал три воззвания о культуре (немного противоречивых), два призыва в защиту демократии и один против отсутствия демократии (что, по-моему, одно и то же, но меня заверили в обратном), один против свободы — нет, за свободу, один, касающийся женщин, но я не понял, в каком смысле, пять о пяти разных избирательных законах, три петиции за освобождение не знаю кого, не знаю откуда, одну против домашнего насилия и одну в защиту разведенных отцов.

Теперь моя совесть чиста настолько, что можно смотреться в нее, как в зеркало.

Жаль, когда сын говорит мне: “Папа, ты все время сидишь за компьютером!”

Жаль не потому, что ему кажется, будто я не обращаю на него внимания, а потому, что приходится, хочешь не хочешь, выключать компьютер.